

Методологический арсенал Аристотеля и Канта. Категории

Э.А. Тайсина

Казанский государственный энергетический университет, Казань, Татарстан, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Тайсина Э.А. Методологический арсенал Аристотеля и Канта. Категории // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 67–83. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.11>

Аннотация. Классический инструментарий философии включает в качестве необходимого, базисного «набора» всеобщие, предельно абстрактные и при этом глубочайше существенные понятия, именуемые по-гречески категориями, а по-латыни предикабиями, но чаще — универсалиями.

Первоначально Аристотель вводит первые десять таких категорий в свои тексты, ставшие впоследствии каноническими, в небольшой, но очень сложной работе с одноименным названием. Вплоть до Нового времени его методологический арсенал обслуживал европейскую философию с неизменным успехом.

Однако в XVIII в. Иммануил Кант, в отличие от Аристотеля резко и определенно различивший рассудок и разум, вводит категории логики (рассудка) не как абстракции, а как пропозиции, систематически развитые из общего принципа: способности суждения. Эти подходы в одной мере очень разные: например, по отношению к понятиям, а категории Аристотеля — именно понятия, вопрос об истинности вообще не встает: он касается только суждений.

С другой стороны, в этих подходах есть общее. Обе философские системы в области гносеологии являются формально-логическими.

Подход Канта, диалектика в исследовании и объяснении объективного мира, в части теории познания еще не является диалектическим; вернее, принято считать, что он негативно-диалектический. В действительности это подход промежуточный, синтагматический.

Ключевые слова: методология; категории; понятие; суждение; парадигма; синтагма; Аристотель; Кант; диалектика.

Methodological arsenal of Aristotle and Kant. Categories

E.A. Taysina

Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Taysina E.A. Methodological arsenal of Aristotle and Kant. Categories. Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy. 2023;5(4):67–83. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.11>

Abstract. The classical toolkit of philosophy includes, as a necessary basic “set”, certain general concepts, extremely abstract and deeply essential, which are called in Greek categories, and in Latin predicables, but more often — universals.

Initially, Aristotle introduces the first ten such categories into his texts that further became canonic, in a small but very complex work of the same name. Up to the era of Modernity, his methodological arsenal served European philosophy with unfailing success.

However, in the XVIII century, Immanuel Kant, sharply and definitely distinguishing rationality and reason unlike Aristotle, introduces the categories of logic not as abstractions, but as propositions systematically developed from a general principle: the ability, or faculty, of judgment. These approaches are very different: for example, in relation to concepts, — and Aristotle's categories are precisely concepts, — the question of truth does not arise at all: it concerns only judgments.

On the other hand, these approaches have something in common. Both philosophical systems in the field of gnoseology are formal-logical.

Kant's approach, dialectical in the study and explanation of the objective world, in terms of the theory of knowledge was not yet dialectical; or, it is believed rather, that this was negative-dialectical. In fact, this approach is intermediate, syntagmatic.

Keywords: methodology; categories; concept; judgment; paradigm; syntagma; Aristotle; Kant; dialectics.

Введение

Посвящается юбилею Иммануила Канта

*Для познания предмета необходимо,
чтобы я мог доказать его возможность
(или по свидетельству опыта на основании
действительности предмета,
или a priori с помощью разума).
Но мыслить я могу что угодно,
если только я не противоречу самому себе,
т. е. если только мое понятие есть возможная мысль,
хотя бы я и не мог решить, соответствует ли ей объект
в совокупности всех возможностей.*

Кант. Предисловие ко второму изданию
«Критики чистого разума» [1, с. 29]

В преддверии славного трехсотлетнего юбилея великого кенигсбергского мыслителя работы, посвященные исследованию его философии, полились — и еще будут литься, по крайней мере, год — полным потоком, так что каждый из нас может погрузиться в предлагаемые идеи, дабы сравнить свой опыт прочтения Канта с опытом уважаемых коллег. Здесь я перечислю только некоторые из статей, вышедших в наших ведущих журналах лишь за последние три года.

- ВФ № 1 (2021). Р.В. Савинов. Рецепция кантовской гносеологии в неосхоластике.
- Вестник МГПУ № 1 (37), 2021. А.В. Кучеренко. Вещь в себе и Вещь сама по себе в концепции кантовского агностицизма.
- ВФ № 4 (2022). Л.Э. Крыштоп. Лекции Канта по логике и их значение для современного кантоведения.
- ВФ № 12 (2022). Н.А. Дмитриева. Полемика и популяризация: аспекты ранней рецепции Канта в России.
- ВФ № 6 (2023). К.Р. Вестфаль. Ответ на вопрос: Что такое «критическая философия» Канта?
- ВФ № 7 (2023). М.Ю. Загирняк. Русское неокантианство в западном интеллектуальном пространстве (обзор направления «Русское неокантианство XX века в Европе: контексты влияния»).

Теперь обратим внимание на следующие работы, опубликованные в текущем году: «Играем в бисер? О достоинстве идеи парадигмы» Б.И. Пружинина и Т.Б. Щедриной (ВФ №1, 2023), а также «Парадигмы и принцип интернализма: исследование понятия «рациональная приемлемость. Эпистемология и философия науки». Том 60 № 1 (2023) С.В. Никоненко. Они важны для данного выступления, потому что «витрина» первой десятки категорий являет собой именно *парадигму* всех, с точки зрения Аристотеля, акциденций универсальной субстанции, то есть сущности.

Кант, в отличие от Аристотеля, рассуждая об инструментальной роли рассудка, вводит категории не как самостоятельные понятия, а как логические функции во всех возможных видах суждений. Эти подходы очень разные: хотя бы в том, что по отношению к понятиям, — а категории Аристотеля суть именно понятия, — вопрос об истинности вообще не встает: он вырастает лишь из оценки *суждений*. Есть и другие вопросы: например, существует ли какая-то систематическая процедура, с помощью которой Аристотель составил свой знаменитый вокабулярный мысли? Кант, скажем, нелицеприятно заявлял, что таковой процедуры у Аристотеля не было: он действовал произвольно и случайным образом [2, с. 120].

Нельзя и сказать, с другой стороны, что аристотелева логика предикатов формальна, а кантианская логика высказываний диалектична, или — что первая дала нам анатомию, а вторая — физиологию мышления. Обе философские системы в области гносеологии являются формально-логическими; для диалектического разворачивания категорий потребовался третий гений, Гегель. Подход Канта, диалектика в исследовании и объяснении объективного мира «Непосредственно диалектика развивается Кантом применительно к понятию мира (космоса)» [3, с. 58], в части теории познания не был *положительно* диалектическим, несмотря на заголовок «Трансцендентальная диалектика» в «Критике чистого разума»: он промежуточный, *синтагматический*. Наша цель — разъяснить этот тезис.

Презентация категорий: Аристотель

«Республика ученых» всегда стремилась — и стремится — говорить на общем языке ради успеха не только научного познания, но и научной коммуникации. Это возможно именно потому, что серьезное образование любого школяра в каждом университете начинается с изучения именно упомянутой «витрины», или словаря мысли — парадигмы высших абстракций. Опору языка научной коммуникации (как, разумеется, и научного познания) составляет каталог предельно общих и одновременно предельно абстрактных понятий — это категории, они же универсалии, они же предикабилии. Они играют методологическую роль по отношению к учению о бытии и познании.

Работа Аристотеля «Категории» [4], небольшая по объему, но чрезвычайно сложная, на латынь переводилась как “Praedicamenta”. Это самоговорящий термин, который свидетельствует о том, что «Категории» посвящены логике предикатов — как это часто понимали средневековые схоласты и после них философы Нового времени. Автор соответствующей статьи в Стэнфордской энциклопедии, Пауль Штудтманн [5], пишет об этом: “Looking beyond his own works, Aristotle’s categorialism has engaged the attention of such diverse

philosophers as Plotinus, Porphyry, Aquinas, Descartes, Spinoza, Leibniz, Locke, Berkeley, Hume, Kant, Hegel, Brentano, and Heidegger (to mention just a few), who have variously embraced, defended, modified or rejected its central contentions. All, in their different ways, have thought it necessary to come to terms with features of Aristotle's categorial scheme" [5]. (В переводе автора): «Помимо его собственных работ, категоризация Аристотеля привлекла внимание таких разных философов, как Плотин, Порфирий, Аквинат, Декарт, Спиноза, Лейбниц, Локк, Беркли, Юм, Кант, Гегель, Brentano и Хайдеггер (и это лишь некоторые из них), которые по-разному принимали, защищали, модифицировали или отвергали его основные положения. Все, на свой лад, считали необходимым разобраться с особенностями категориальной схемы Аристотеля». (Надо, конечно, сюда добавить еще Боэция, вслед за Порфирием, а рядом с Аквинатом — Уильяма Оккама.) Как далее пишет Штудтманн, несмотря на широкое влияние — и именно благодаря этому влиянию — любая попытка описания категорий сталкивается со значительными трудностями: специалисты расходятся во мнениях по многим наиболее важным и фундаментальным аспектам. Что классифицируют категории? Какая теория предикации лежит в основе схемы Аристотеля? Есть ли в ней место для понятия материи? (Надо еще спросить в этом отношении о категории причины, в частности такой ее разновидности, как *телос*.) Одинаково ли понимание сущности в «Категориях» и в «Метафизике»? — и др. Каждый вопрос получал совершенно разные ответы от самых разных философов. Дадим и свои.

Аристотель, создавая свой философский «мегалит» (натурфилософия-онтология-логика-лингвистика-семиотика-гносеология), выбрал, сообразуясь только с собственным философским чутьем, десять высших родов «зонтичных» *понятий о бытии* (примеры в «Категориях» относятся чаще всего не к языковым, а к экстралингвистическим объектам: человек, бык, лошадь, дерево), объединяющих в едином языковом знаке (*οὐσία, πόσος, ποῖον, πρὸς τί, τόπος, χρόνος* и т. д.) множество абстракций, «собирая» фрагменты бытия в обозримый порядок. Это реально возможно, поскольку гарантировано законом единства бытия и познания и сущностным совпадением уникального и универсального, имеющих общую местность. «Ведь мы познаем все вещи постольку, поскольку у них имеется что-то единое и тождественное и поскольку им присуще нечто общее» [6, с. 109].

Метафизика Аристотеля предстает как логика, а та, в свою очередь, как семиотика и лингвистика. Все вместе категории, которые он называет *ta legomena* (*τὰ λεγόμενα*), организуют и систему основных понятий грамматики (существительное, прилагательное, глагол, вид, время, наклонение, залог...). Категории — не только единые основания бытия и познания, но вместе с тем и языковые границы мира, а тем и пределы познавательных возможностей. Происходит сближение и как бы «склеивание» *объекта познания* (и коммуникации), *понятия* об объекте и *языкового* его обозначения, которые при необходимости разворачиваются обратным путем в схему треугольника Фреге — это такой трехликий Янус. Расхожий случай «склеивания» одновременно и на виду, и ушел из фокуса сознания, а именно: суждения и высказывания легко и свободно берутся как синонимы в современных текстах, хотя что может быть противоположнее? Ведь суждения принадлежат мышлению, а высказывания — речи.

Так же непринужденно перемешиваются высказывания (устная речь) и предложения (письмо), формы языка и мышления и т. д.¹

«Категории» открываются рассмотрением *языковой прагматики* — омонимии, синонимии и паранимии, придающих речи особенную гибкость (приходится удивляться, что поставить естественный разговорный человеческий язык в центр философского интереса приписали в главную заслугу «позднему» Витгенштейну). Пауль Штудтманн в статье о категориях замечает, что интерпретация «списка» Аристотеля как классификации лингвистических предикатов *в той мере*, в какой они связаны с миром семантически значимыми способами, представляется наиболее предпочтительной (“...some scholars have synthesized the linguistic and extra-linguistic interpretations by interpreting Aristotle as classifying linguistic predicates *in so far* as they are related to the world in semantically significant ways. ...I think that this latter interpretation is probably the one that best withstands close textual scrutiny”) [5]. Как первый семиолог, Аристотель считает, что слова суть условные знаки понятий, а понятия обозначают реальные объекты.

Изучая и комментируя «Категории», схоласты исследуют эту мысль. Величайший схоласт-номиналист Уильям Оккам разъяснял: «Об этом говорит Философ, [утверждая], что слова суть знаки претерпеваний в душе (*voces sunt earum, quae sunt in animae, passionum notae*). И то же хочет сказать Боэций, когда пишет, что слова обозначают понятия; и вообще все авторы, утверждающие, что все слова обозначают претерпевания (*passiones*), — или суть их знаки (*vel sunt notae earum*), не иное имеют в виду, как то, что слова суть знаки, во вторую очередь (*secundario*) обозначающие те, что (*illa quae*) для душевных страстей (*passiones animae*) первично даны (*primario importantur*)» [7, с. 5].

Средневековые философы сильно пополнили словарь категорий (универсалий): например, были введены достаточно важные *identitas* (тождество), *quidditas* («чтойность»), *haecceitas* («этовость»).

Исходные десять категорий Аристотеля хорошо известны; здесь мы приводим их исходные греческие названия с переводами на английский, то есть фактически на латынь:

- сущность (*ousia, οὐσία* {substance}, произносится [u'si:a]);
- количество (*to róson, το ποσόν* {quantity}; *πλήθος*, произносится [p'li: θos]);
- отношение (*to pros ti, το προς τί* {relation});
- качество (*to poion, το ποῖον, ποιότης* {quality}, произносится [phjon, piot'es]);
- место (*topos, τόπος* {place}, а также *πλάτος*, — плоская местность, *χώρος* — нечто материальное, т. е. телесное, простирающееся);
- время (*chronos, χρόνος* {time});
- положение (*pathe, παθή* {position} произносится [pa'θi:], а также *θέσις*);
- обладание (*to echein, το εχειν* {state}, произносится [e'hi:n]);
- действие (*to poiein, το ποιειν* {action}, произносится [phi:n], а также *πράξις*);
- страдание (*to paschein, το πασχειν*, произносится ['pashein], *πάθημα, πάθος* {affection}).

¹ Вот пример современного перевода текста Уильяма Оккама [7]. Оригинал (с. 8): «В ином смысле термин противопоставляется *высказыванию*: “distinguitur contra *orationem*” (перевод мой. — Э.Т.); официальный перевод: «Взятое в ином смысле, имя “термин” противопоставляется *предложению*» (с. 9) (*курсив мой. — Э.Т.*).

В Стэнфордской энциклопедии Пауль Штудтманн дает такой перечень: "...he [Aristotle] thinks that there are ten: (1) substance; (2) quantity; (3) quality; (4) relatives; (5) somewhere; (6) sometime; (7) being in a position; (8) having; (9) acting; and (10) being acted upon (1b25–2a4)" [5].

Why relatives, Why somewhere and Why sometime?

Эти вопросы еще ждут своих исследователей.

Оксфордский профессор Гилберт Райл, один из основоположников лингвистической философии, в послевоенное время президент Аристотелевского общества и затем главный редактор журнала "Mind", предположил, что Аристотель видел в этой таблице категорий перечень *предельных типов предикатов*. В своем основном труде «Понятие сознания» Г. Райл пишет: «Любые два предиката в зависимости от того, отвечают ли они на один и тот же вопрос или нет, относятся к одной или к различным категориям» [8]. Интеррогативная логика позволяет, по-видимому, связывать логику предикатов и логику высказываний. Существует также специальный подход, состоящий в «задавании вопросов», к способу создания категорий (Дж.Л. Акрилл): так, несколько раз задавая вопрос «что это?», мы последовательно приходим к категории сущности; вопрос «каково это?» приведет нас к категории качества и т. д.

Правда, это также тема отдельной статьи. Скажем о том, что лучше нам известно.

Сам Аристотель детально обсуждал первые четыре категории.

Сущность (οὐσία) рассматривается на правах логического субъекта: она и существует, и в речи сказывается *самостоятельно*, это опора для своих предикатов в суждении. Суждения существуют как *связи* между субъектом (подлежащим) и тем его предикатом (сказуемым), который помогает раскрыть сущность. Предикативная группа выражает либо качество, либо отношение. *Proprium* (собственный признак) сущности — нести содержательно разные и даже противоположные элементы одновременно «Особенность сущности — это то, что, будучи тождественной и одной по числу, она способна принимать противоположности в силу собственной пермены» [4, с. 61]. Об этом временном согласовании в «Категориях» есть соответствующий раздел.

«Тот род, которому подчиняются виды и в распоряжении которого находятся отличительные признаки, образует субстанцию вида», — скажет в своем «Комментарии» на "Isagoge" Порфирия, эту пропедевтику к канонике Аристотеля, Боэций [9, с. 37]. Можно вспомнить, что он оставил в веках такое определение: *сущность* (которую он перевел как «*субстанция*») есть то, что сказывается в ответ на вопрос «что это?» (in eo quod quid sit; εν τω τί ἐστι). То есть это имя *существительное*. (У Оккама: сущее «есть имя, которое соотносится с неким понятием, которое обще для всех вещей и может сказываться о них в ответ на вопрос: "Что это такое?"» [7, с. xxxviii] (это т. наз. praedicatio in quid). А вот имя *прилагательное* есть то, что сказывается в ответ на вопрос «каково это?» и имеет отношение к субстанции (то есть к сущности; дефинитивные признаки практически все таковы)». Кто из нас не вставал перед этим в тупик, обучаясь русскому языку в шестом классе? Знали бы мы тогда, что это аутентичный Аристотель!

Для следующей категории, количества (το πόσον), *proportion* — экспликация равенства и неравенства [4, с. 66]; для отношения — обоюдность [4, с. 68], а для качества (το ποῖον, [to phjon]) — различие подобного и неподобного, сходного и несходного [4, с. 78], то есть присущность того или иного свойства той или иной вещи. Это понятия, которые как-то характеризуют *природу* объекта.

У Аристотеля есть еще одно обозначение количества: πλήθος. Это значит что-то вроде сверхизобилия (но иногда переводится как «число»); отсюда *плерома*, вся полнота бытия. Два термина есть и для обозначения категории действия: το ποιεῖν [phi:n] (явно соотносящееся с το ποῖον [phjon], «качество», и ποιεῖν, «творение»), а также πράξις; два — для категории «положения»: παθῆ и θέσις, тезис. А для обозначения пространства используется даже три термина: место, τόπος, а также πλάτος — плоская местность, и χώρος — нечто материальное, т. е. телесное, простирающееся. Размещение в окружающей среде. Только это не длина-ширина-высота, а скорее точка, плоскость, объем (место, ширина, пространство). Это «Хора» Платона.

Есть еще одна «пространственная» характеристика. Следующая сразу после категории времени категория παθή, явно близкородственная категории πάθος, недвусмысленно соотносящаяся со «страстью», т. е. «страданием», «претерпением» (πάθημα) — на русский переведена как «положение», а на английском (почему-то) эксплицируется как «(рас)положение частей в объекте, особенно в живом организме» (The relative position of the parts of the object (usually a living object)).

У Штудтманна приводится такая (вероятная) экспликация: “The determination arising from the physical accoutrements of an object; for example, clothed or sleeping”. Это значит: «Определение, вытекающее из физического снаряжения объекта; например, одетый или спящий».

Сравнительно немного известно о категории соотнесенного; но ясно, что это способ, которым один объект может быть связан с другим. Переводы отходят от оригинала достаточно далеко. Английское-латинское слово relation (или relatives) имеет *иную* корневую морфему (lat — сторона), нежели русское слово «отношение», калька с греко-латинского pherein, «нести». А у самого Философа это просто “το προς τί”, «напротив [другого]».

Возможно, больше всего усилий интерпретаторов могла бы потребовать категория «обладание» — το εχειν, принятое на английском как “state”, хотя state именно значит «положение» или «состояние» и никак не обладание; русский перевод ближе к оригиналу (что-то наподобие «у них это есть»). А вот греческое слово «обладание» звучит как κατοχή. И еще один казус: το ποῖον [to phjon], качество, и το ποιεῖν [phi:n] на русский настойчиво переводится просто как (вопросительное и относительное местоимение, союз, союзное слово) «кто»; при этом во множественном числе, ποῖοτες [píotēs], появляются «качества». А ведь это и название категории действия которое в современном переложении звучит как знакомое “εὐεργεῖ”. А для выражения страдания используется “υποφέρει”.

Возникает вопрос: как может местоимение (или союз) «кто» быть фактическим синонимом качества? Задавая этот вопрос, мы по идее должны прийти к имени *существительному*, а чтобы получить имя прилагательное (свойство,

качество), надо задавать вопрос «какой?» Эта тема также ждет своего исследователя.

Тот же Райл предупреждал, что не существует конечного перечня категорий; вера в таковой была бы схоластикой. «В шахматной теории известно много гамбитов, но нет их полного перечня, и, хотя в английском языке существует множество разнообразных грамматических конструкций, их законченная классификация невозможна» [8]. Тем не менее, поскольку крупнейшие философы прилагали много усилий для разработки фундаментальных предикатов, а также типов высказываний, мы посчитали важным остановиться на данном вопросе.

«Категории» — очень трудный текст для понимания; философские дискуссии идут и сегодня. Сложный вопрос, например: как может универсалия быть акцидентальной (“a being is both said-of and present-in a primary substance if it is an *accidental universal*”)? Однако этот оксюморон — как раз *предикабилия как она есть* (белизна, например, сказывается на многих первичных субстанциях, будучи акцидентальной для них). Сам Философ приводит пример знания грамматического правила неким индивидуумом. Еще вопрос лингвистического свойства: почему Аристотель относит речь как вид к категории (роду) количества? Может быть, он имел в виду количество фонем или морфем в словах греческого языка? «Что слово есть количество, это ясно: ведь оно измеряется коротким и долгим слогом» [4, с. 62].

Вопрос о соотношении признаков присущности или обладания и «сказываемости», также составляет сложное место в «Категориях».

Таблица 1. Сводная таблица по Штудтманну

Substance	Quantity Relatives Quality...	Субстанция (сущность)	Количество Отношение Качество...
Said-of Not Present-In	Said-of Present-In	Сказываемое Не-присущее (2-я сущность)	Сказываемое Присущее (белизна)
Not Said-of Not Present-In	Not Said-of Present-In	Не-сказываемое Не-присущее (1-я сущность)	Не-сказываемое Присущее (белый объект)

После представления категорий обсуждаются четыре способа по поводу рассмотрения вещей в качестве противоположных, пять смыслов, в которых вещь может рассматриваться прежде другой, и шесть форм движения: рождение, гибель, увеличение, уменьшение, качественное изменение и перемещение.

Презентация категорий. Кант

После трудов Аристотеля и до появления диалектики Гегеля наиболее известным перечнем стал каталог, предложенный Кантом.

Один из выдающихся современных исследователей творчества Канта, Карл Америкс — соредатор серии «Кембриджские тексты по истории философии» — утверждает, что Кант «не выдвигает невероятно сильных методологических и метафизических утверждений, присущих его непосредственным преемникам: Рейнгольду, Фихте, Шеллингу и Гегелю. Он, конечно, несет ответственность за то, что внушил им саму идею фундаментально автономной

рациональной системы — такой, которая поставила бы автономию в центр своего представления о реальности в целом...» (перевод автора) [10, с. 6]. Каким-то образом, по замечанию Райла, категории становятся «проекциями» логических форм на объективный мир.

Категории у Канта — это априорные формы рассудка, правила упорядочивания опыта, детерминанты, которые, действуя как инструменты получения (и одновременно условия существования) форм необходимого и всеобщего знания, упорядочивают хаос ощущений после того, как координаты «момент и место» уже заключили их в конфигурацию феномена.

Учение Канта о категориях исходит из иных оснований, и «таблица» Канта оказывается не такой, как у Аристотеля, — она первоначально каталогизирует не понятия, а суждения.

Схема 1. Формы суждения

Кант пишет в разделе «Антиномия чистого разума»: «...Всякая трансцендентальная видимость чистого разума основывается на диалектических выводах, схему которых дает логика в трех своих формальных видах умозаключений вообще, подобно тому как категории имеют свою логическую схему в четырех функциях всех суждений». (*Курсив мой — Э.Т.*) Второй книги трансцендентальной диалектики Глава вторая [1, с. 327–328]. Однако для трех из четырех своих классов высказываний Кант оставляет номенклатуру, или названия, именно аристотелевских категорий — разумеется, с пассажами через Порфирия, Боэция, схоластику и т. д. В то же время «количество», «качество» и «отношение» означают для Аристотеля и Канта разные домены, а точнее, разные способы мыслительных действий. Преподавая формальную логику в университетах, мы делим суждения в основном так же, как их разделил Кант.

В разделе Втором Способа открытия всех чистых рассудочных понятий, § 9, Кант начинает демонстрацию не с абстракций, но, как сказано, с таблицы *форм суждения* [2, с. 113]. Он делит их по количеству на общие, частные и единичные, по качеству на утвердительные, отрицательные и бесконечные, по типам отношения между субъектами и предикатами на атрибутивные, имплицативные и дизъюнктивные (без упоминания конъюнкции) и по типам модальности на высказывания существования, возможности и долженствования.

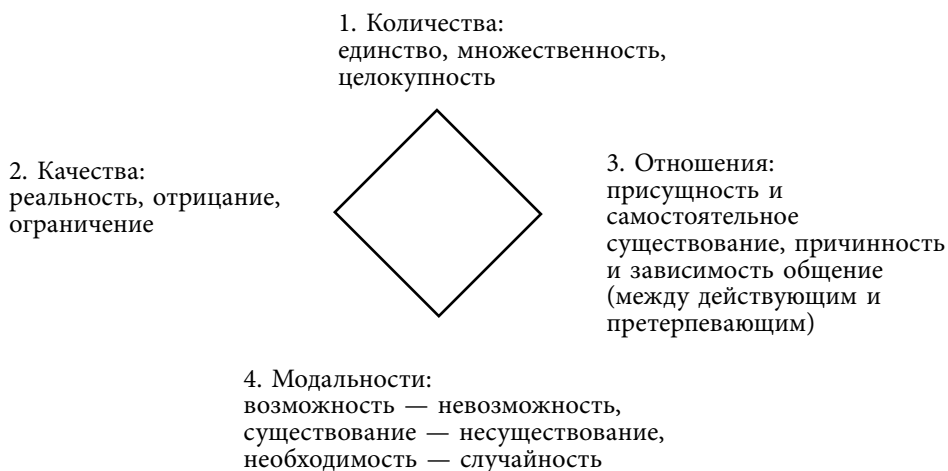

Схема 2. Категории

В следующем параграфе Раздела Второго Способа открытия всех чистых рассудочных понятий Кант пишет, что категорий существует (и должно существовать) ровно столько, сколько в первой таблице было перечислено логических функций во всех возможных суждениях.

«...Рассудок совершенно исчерпывается этими функциями и его способность вполне измеряется ими. Мы назовем эти понятия, по примеру Аристотеля, категориями, так как наша задача в своей основе вполне совпадает с его задачей, хотя в решении ее мы далеко расходимся с ним», — пишет Кант в § 10 [2, с. 119]. Само это предприятие — отыскать основные инструменты и условия мышления — было достойно такого проницательного мыслителя, как Аристотель, отдает должное своему предшественнику Кант. Он разъясняет: только посредством этих «чистых понятий рассудка» человек может что-то понимать в многообразном содержании созерцания; но при этом, подчеркивает Кант, его собственная классификация категорий развита *систематически*, то есть в ее основе лежит один общий принцип: способность суждения. Это не фрагментарные пропозиции, подыскиваемые наудачу; невозможно было бы быть уверенным в полноте такой классификации, и никогда нельзя было бы обосновать подборку именно этих, а не других категорий, идя путем индукции. Карл Америкс так высказывается в пользу дедуктивного подхода: “I will argue that on the contrary it is necessary and profitable to understand the deduction as moving from the assumption that there is empirical knowledge to a proof of the preconditions of that knowledge”. «...Я утверждаю, что необходимо и полезно понимать дедукцию как движение от предположения о наличии эмпирического знания к доказательству предпосылки этого знания» [9, с. 51].

Критикуя выбор Аристотеля, Кант становится достаточно едким. «Но так как у него <Аристотеля> не было никакого принципа, то он подхватывал их <понятия> по мере того, как они попадались ему, и набрал сначала десять понятий, которые назвал *категориями* (предикаментами)» [2, с. 120].

Понятно, что Аристотель их так не называл, потому что писал не по-латыни...

Сам Кант несколько раз подчеркивает плодотворность собственного подхода — построения классификации на основе единого признака. (Вероятно, нет нужды специально упоминать здесь, что «диалектические утверждения чистого разума», то есть «аналитические и диалектические противоречия», *антиномии*, возникли именно как вывод из этой четырехчастной классификации суждений и затем категорий: получилось ровно четыре вида утверждений, каждому из которых противостоит противоречащее ему.)

«Затем ему показалось, — продолжает критику Кант, — что он <Аристотель> нашел еще пять таких понятий, которые он добавил к предыдущим под названием постпредикаментов. Однако его таблица все еще оставалась недостаточной. Кроме того, в нее включены также некоторые модусы чистой чувственности (*quando, ubi, situs*, а также *prius, simul*) и даже один эмпирический (*motus*), которые вовсе не принадлежат к этой родословной рассудка, к тому же в ней среди первоначальных понятий перечислены также некоторые производные (*actio, passio*), а некоторые из первоначальных понятий не указаны вовсе» [2, с. 120]. (Аристотель *не* писал *по-латыни*...)

Как уже говорилось, любая попытка обоснования выбора тех или иных категорий для их каталогизации сталкивается с фундаментальными трудностями, и философы придерживаются в этом отношении разных мнений. Однако здесь мы подчеркнем еще раз другой аспект, а именно *различие подходов к методологическому арсеналу мышления*.

Гилберт Райл в заключительной части своего главного труда утверждает: «Аристотель предлагает “алфавитную” теорию факторов и простого их “комбинирования”; Кант же предлагает теорию “синтаксиса” этих комбинаций и, соответственно, “синтаксическую” теорию типов их факторов — по крайней мере так я интерпретирую его загадочные упоминания о “функциях объединения”. Однако кантовские категории не совпадают с его формами суждения. Каким-то неясным образом они оказываются проекциями этих логических форм на сферы естественных вещей и событий» [8]. А ведь это именно тот путь, которым шли к своей мегалитической философии до Канта — Аристотель, после Канта — Гегель.

Мы предлагаем такое объяснение. Подход Аристотеля — парадигматический; подход Канта — синтагматический.

Парадигматика и синтагматика

Поясним теперь основной тезис: в гносеологии Кант выступает как метафизик, но не как диалектик. «Разрешение антиномий Кантом... остается в сфере негативной диалектики» [3, с. 74–75]. Конечно, это особая метафизика — «очищенная при помощи критики и приведенная таким образом в устойчивое состояние», — и она, как об этом говорил сам Кант, представляла собой сокровище, завещаемое потомству. Однако важнее всего следующее соображение: рассудочные категории Канта — не парадигмы, а *синтагмы*.

Хотя в каталогах Канта каждая третья категория выступает как синтез двух первых («Кант предполагал возможность... разрешения антиномий посредством обращения к их синтезу в способности суждений», [3, с. 65]), это все равно «неподвижная определенность» рассудка, по слову Гегеля, которому

единственному удалось уловить движение мысли как самодвижение и самопорождение — на основе принципа тождества бытия и мышления.

В последней трети XX – первой трети XXI веков совместными усилиями «пост-философов», начиная с Куна, в философии закрепился позитивистски переосмысленный термин «*парадигма*». Тысячи лет ничего не означавшая, кроме как сумму примеров в грамматике (все падежи склонения имени существительного, все формы спряжения глагола и пр.) или «семью» родственных слов, парадигма стала чем-то значительно более серьезным: смысловой моделью или даже «типом мировоззрения».

Это обязывает вернуть на поле парный к «парадигме» методологически ценный концепт «*синтагма*». Она выигрывает именно в том, что позволяет учитывать и логику предикатов, и логику высказываний, оставаясь строго определенной и обоснованной. Словарь лексем, а тем более морфология, без синтаксиса еще не язык; «витрина» парадигм без синтагматики еще не мысль. Не добираясь до всеобщей диалектики, «синтагма» все же позволяет перейти от «неподвижно определенных» обособленных парадигм к сменяющимся фазам «остановленного» движения мысли. Синтагма при этом — не только пропозиция, характеризуемая известными признаками: единичное/общее, утверждение/отрицание, условное/безусловное и т. д.; это «смысловая энергия всего предложения» (Лосев, «Философия Имени»). Синтагма — место встречи мысли и языка.

Уже приходилось писать, что синтагма есть сет фреймов, покадровая съемка, витгенштейнианский «комикс», которая существенно исключает время, рассматривая настоящее как неизменное присутствие, освободившееся из круговорота кратилова потока, в котором вещь не имела права на имя, поскольку в реку нельзя войти и один раз. От логики в синтагме ясность и определенность, от диалектики — дискурсивность: показ движения или действия в виде отдельных кадров, изображающих данную цепь состояний.

Примеры.

- Основная синтагма гносеологии: истина есть; она и результат познания, и сам процесс ее достижения; она едина и абсолютна, но вместе с тем и контингентна.
- Основная синтагма онтологии: Все есть одно, и оно пребывает (покоясь или изменяясь).
- Основная синтагма этики: моя свобода заканчивается там, где начинается несвобода другого человека.
- Основная синтагма эстетики: чувственность есть душа искусства.
- Основная синтагма логики: невозможно, чтобы А и не-А.
- Основная синтагма науки: предмет познаваем сам из себя; важно правильно применить соответствующий метод.
- Основная синтагма буддизма: жизнь — страдание; страдание вызывается желанием; чтобы не страдать, надо не желать.
- Основная синтагма христианства: Аз есмь Сущий.
- Основная синтагма ислама: нет бога кроме Бога, и Мухаммед — пророк его.

Синтагматику мы определяем как *метод*, т. е. способ получения, организации, хранения, трансформации и трансляции знания, *промежуточный между*

диалектикой и метафизикой, или между формальной логикой и логикой диалектической. Это диалектика в логически снятом виде: синтагмы — конвенционально распрямленные отрезки объективно-реально криволинейного самодвижения мышления, которые, взятые в потенциальной совокупности, совпадут с тальвегом этого пути. Так, луч — в абстракции идеал прямой, — в действительности, путешествуя по Вселенной, столько раз притягивается к небесным телам, что в реальности являет собой невероятно сложную кривую. (Ее, однако, можно «выпрямить», разложив в ряд Фурье.)

Синтагматика лежит и в основе пифагорейского отыскания совершенных тел: от тетраэдра и куба к икосаэдру и додекаэдру с десятками граней, — правильных треугольников и пятиугольников, в стремлении к наиболее совершенной из всех существующих форм, сфере.

Переход от парадигмы к синтагме — логичный путь по направлению к диалектике, но это полпути: это именно переходная фаза. И Аристотель, и Кант (и Гегель) предлагают свои решения для демонстрации переходных форм.

Формы «уловления» переходов

У Аристотеля это картина взаимообусловленности категорий («вторая» сущность, например, объясняется через качество, а количество — через время и место [4, с. 59; 62], отношение через положение [4, с. 67] и т. д.). Это также деление, как зафиксировали схоласты, всей парадигмы на анте-предикаменты, предикаменты и пост-предикаменты по принципу «присущности» (признаков) или «сказываемости».

У Канта это попытка перейти от чувственности к рассудку при помощи понятия «эмпирических представлений», непосредственно относящихся к предметам через ощущения; это и «бесконечные» суждения качества в таблице 1; это также знаменитая *схема*, «нечто третье», однородное и с категориями, и с явлениями, или способ мыслительной деятельности, состоящий в конструировании эмпирических «образов» согласно универсальной модели. (А у Гегеля промежуточный момент между рассудком и разумом — это *негативно-диалектический* разум: гибкий и подвижный, не доходя до тождества противоположностей, он улавливает, тем не менее, их взаимодействие.)

Это сложная головоломка: любое *Begreifen*, «ухватывание», или определение, оставляет половину признаков в зоне не-знания, *ignorance*. *Omnia definitia periculosa est*, то есть всякая дефиниция опасна: любое определение половину содержания оставляет за бортом. Ту же философскую сложность вызывает любая решительная и определенная классификация: древо Порфирия, например, «выросшее», вычлененное из текста «Категорий». Приходится при необходимости объяснять произвольное приравнивание множества прямолинейных отрезков и объективно существующего «криволинейного» оригинала; это не всегда нужно, но иногда неизбежно, ибо количество изменяется как *zoom*.

Аристотель различал те категории, которые «присущи» предмету, и те, которые «сказываются» о предмете; первые из них стоят ближе к чувственности, выражая предмет; вторые, принадлежа рассудку, обозначают его. Но надо было еще различить присущность как принадлежность части — целому, вида — роду и как связь главных членов (терминов) в суждении. Над этой проблемой размышляли в начале эпохи схоластики — Боэций, в конце — Уильям Оккам.

Например, против отождествления деления целого на части и ограничения рассматривается высказывание: «Сократ есть живое существо». Для истинности этого высказывания не требуется, чтобы «живое существо» реально присутствовало в Сократе или представляло какую-то часть Сократа; требуется только, чтобы Сократ соответствовал *in quid* термину «живое существо». «Человек присутствует в Сократе» или «Человечность есть часть Сократа» суть ложные высказывания [7, с. xxvi]. «Посредством такого высказывания “Человек есть живое существо” обозначается, что Сократ поистине <в реальности> есть живое существо. Так что высказывание “Nos est animal...” было бы истинным, указывая на Сократа» [7, с. 29].

Оккам вводит следующую полезную для понимания семиотики и логики Аристотеля классификацию терминов: они бывают *первичной и вторичной интенции*, а также различной (*первой и второй*) *импозиции*:

- 1) термины первичной интенции обозначают объекты;
- 2) термины вторичной интенции обозначают понятия;
- 3) термины первой импозиции обозначают понятия и объекты;
- 4) термины второй импозиции обозначают сами слова («имя», «местоимение», «глагол», «союз», «падеж», «число», «наклонение», «время» и т. п.) [7, с. 23–25].

Подчеркнем: *различно различие между терминами первичной и вторичной интенции* (первые обозначают объекты, вторые — обозначают понятия: у них разное направление совпадения с референтом, *direction of fit*) *и первой и второй импозиции* (первые обозначают равно объекты и понятия, а вторые суть знаки слов: имя, прилагательное, существительное, склонение, и т. д.). «Посредством же такого высказывания, как “Человек” есть имя», обозначается, что слово «человек» есть имя, потому в этом высказывании «человек» подразумевает это слово (*haec vox “homo” sit nomen, ideo in ista supponit “homo” pro illa voce*)» [7, с. 29].

Для материалиста более всего интересны попытки объяснить переходы от объекта к чувственности и от чувственности к рациональности.

Существует известная манера толковать внешние объекты как причины (основания), а их «следы» (образы, отпечатки) в сознании как следствия (действия). Известный английский кантовед Аллен Вуд, например, пишет, что объяснения Канта больше связаны с метафизикой причинности, чем у Гегеля (и поэтому они слабее) [Цит. по: 10, с. 44]. Но *реальное* следование, считает Кант, не тождественно «основанию» (причине), и потому его нельзя вывести исходя только из законов логики. Значит, причинное отношение есть дело не логики, а *опыта*. «Оставляя в стороне объективную реальность причинных связей, Кант надеется своим учением о «схематизме» обнаружить механизм распространения категорий на чувственность» [3, с. 50, 74].

С другой стороны, существование внешних по отношению (ко мне) вещей является лишь *логическим умозаключением* — о чем Кант говорит в конце Предисловия ко второму изданию с искренним волнением: «Нельзя не признать скандалом для философии и общечеловеческого разума необходимость принимать лишь на *веру* существование вещей вне нас (от которых мы ведь получаем весь материал знания даже для нашего внутреннего чувства) и невозможность противопоставить какое бы то ни было удовлетворительное доказательство

этого существования, если бы кто-нибудь вздумал подвергнуть его сомнению» [1, с. 37, сноска]. Кант предлагает строгое и единственно возможное, как он полагает, доказательство объективной реальности внешних созерцаний. Понятия разума, покидающие границы опыта, служат для «схватывания» концептов, то есть собственно познания (zum Begreifen).

Промежуточной фазой познания между логикой и духом (рассудком и разумом) является упомянутая *схема*. Понятия рассудка, *notiones*, в том числе категории, не могут покинуть границы опыта, служа системному пониманию восприятий (zum Verstehen). Принцип действия системного единства рассудка есть применение его понятий к схеме разума. «Схема» — это способ деятельности, состоящий в построении «эмпирических образов» сообразно всеобщему» [3, с. 76]. «Схемы» соответствуют порядку всех категорий как их «синтез многообразия сообразно правилу единства»: схема величины есть число; схема субстанции — устойчивость реального во времени (*Beharrlichkeit*). Схема причинности — реальное / другое реальное, т. е. последовательность многообразия; общение (*Gemeinschaft*), или взаимодействие (*Wechselwirkung*), есть взаимная причинность субстанций в отношении их свойств. Схема возможности есть согласие синтеза представлений с условиями времени, а схема действительности — существование в определенное время; наконец, схема необходимости есть существование предмета во всякое время [2, с. 180]. Все эти суждения — классические синтагмы; синтагмы Канта.

Опять-таки критикуя Аристотеля, Кант пишет, что если устранить качество устойчивости, то от субстанции ничего не останется, кроме (логического) субъекта, не могущего быть предикатом. Но этого мало, считает Кант; такое определение не указывает, какие признаки имеет вещь, признаваемая за первичный субъект. А качество устойчивости это позволяет: на этой основе определяются последовательность и существование явлений во времени (*Zugleichsein*). Следовательно, категории рассудка без схем — это только функции, они не представляют никакого объекта (*Gegenstand*) [2, с. 182].

Понятие схемы позволило также разграничить общее представление, то есть *образ*, и понятие — которые в немецкой традиции сплошь и рядом берутся как синонимы.

Выдающийся отечественный кантовед А.С. Богомолов пишет в главе «Кант» («История диалектики»): «...Понятие схемы выражает способ соединения чувственности и рассудка, причем именно способ активного воздействия рассудка на материал чувственности, в результате которого появляется такое качество понятия, как всеобщность» [3, с. 74–75]. Категории, как априорные формы рассудка, упорядочивают материал многообразных ощущений, однако не напрямую, а через «посредников». Сам Кант излагал это так: «[В исследуемом нами] случае, очевидно (*Nun ist klar, daß*), должно существовать нечто третье, однородное в одном отношении (*einerseits*) с категориями, а в другом отношении (*andersseits*) с явлениями и обуславливающее возможность применения категорий к явлениям. Это посредствующее представление должно быть чистым (не заключающим в себе ничего эмпирического) и тем не менее, с одной стороны, *интеллектуальным*, а с другой — *чувственным*. Такой характер имеет *трансцендентальная схема*». Трансцендентальное учение об элементах. Вторая

книга. Аналитика основоположений (Grundsätze). Первая глава. О схематизме чистых понятий рассудка [2, с. 176–177].

Не только схема, сама способность суждения рассматривается Кантом как «место» синтеза теоретического и практического разума, а следовательно, она (эта дедуктивная способность) также находится между рассудком и разумом. Например, она дает посредствующее понятие между природной необходимостью и свободой: это *целесообразность*, и т. д.

Так различными способами, наблюдая или конструируя, открывая или изобретая, вводя промежуточные фазы (ступени, степени, остановки на этажах сигнификационного лифта), философы стремятся преуспеть в задаче приблизить многоугольник к окружности, дискретность к континууму.

Заключение

«То, что известно (bekannt), еще не есть поэтому познанное (erkannt); между тем требование продолжать заниматься тем, что уже известно, может даже вывести из терпения — а что более известно, чем определения мысли?» (Гегель. Предисловие ко второму изданию «Науки логики»). И, однако, требование продолжать заниматься определениями мысли есть категорический логико-лингво-семио-гносеологический *императив*. Для оснований философии нет ничего важнее изучения оснований философии. Как о том писал Философ, «А более всего познаваемы первые начала и причины, ибо через них и из них познается все прочее, а не они [познаются] через себе подчиненное... С другой стороны, едва ли и не труднее всего знать людям это же, то есть наиболее всеобщее; ибо оно дальше всего лежит от чувственных восприятий» [6, с. 33–34]. Базисные категории Аристотеля и Канта — «алфавит и синтаксис мысли», — хотя практически все греки были стихийными диалектиками, а Кант родоначальник немецкой классической диалектики, — являют собой фундамент *формальной логики*.

Аристотель, однако, подошел к своему списку парадигматически; он принял, не отстаивая ее специально, позицию реализма, исходя из схемы «вещь — свойство — отношение», и его «метафизически привилегированный список высших родов», грамматически врожденных языку, подобран, разумеется, для построения и объяснения структуры суждений.

А Кант строит свой каталог синтагматически. Он внятно и определенно демонстрирует происхождение категорий из суждений. Два эти подхода исчерпывают собой все возможные иные подходы к построению универсальной сети опорных понятий, связывающих бытие, мышление и высказывание, — за уникальным исключением: всеобщей диалектики Гегеля.

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума / под ред. Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина; Москва: Эксмо, 2012. 736 с.
2. Кант И. Критика чистого разума. Москва: Наука, 1999. 655 с.
3. История диалектики. Немецкая классическая философия. Москва: Мысль, 1978. 365 с.
4. Аристотель. Категории / Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 2. Москва: Мысль, 1978.

5. The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Internet]. Studtmann P. Aristotle's Categories. [дата обращения 15.10.2023]. Доступно по ссылке: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-categories/>
6. Аристотель. Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 1. Москва: Мысль, 1975. 550 с.
7. Оккам У. Избранное. Москва: РАН ИФ, Едиториал УРСС, 2002. 272 с.
8. Гилберт Р. Понятие сознания. Приложение. Категории / под ред. В.Н. Поруса. Москва: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999. 408 с.
9. Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. Москва: Наука, 1990. 413 с.
10. Ameriks K. Interpreting Kant's Critiques. Oxford University Press, 2003.

References

1. Kant I. Kritika chistogo razuma. Ed. by Ts.G. Arzakanyan, M.I. Itkina. Moscow: Eksmo; 2012. (In Russ.)
2. Kant I. Kritika chistogo razuma. Moscow: Nauka; 1999. (In Russ.)
3. Istoriya dialektiki. Nemetskaya klassicheskaya filosofiya. Moscow: Mysl'; 1978. (In Russ.)
4. Aristotel'. Kategorii. In: Aristotel'. Sbranie sochinenii. Vol. 2. Moscow: Mysl'; 1978. (In Russ.)
5. The Stanford Encyclopedia of Philosophy [Internet]. Studtmann P. Aristotle's Categories. [cited 2023 Oct 15]. Available from: <https://plato.stanford.edu/entries/aristotle-categories/>
6. Aristotel'. Sbranie sochinenii v 4 tomakh. Vol. 1. Moscow: Mysl'; 1975. (In Russ.)
7. Okkam U. Izbrannoe. Moscow: RAN IF, Editorial URSS, 2002. (In Russ.)
8. Gilbert R. Ponyatie soznaniya. Prilozhenie. Kategorii. Ed. by V.N. Porus. Moscow: Ideya-Press, Dom intellektual'noi knigi; 1999. (In Russ.)
9. Boetsii. «Uteshenie filosofiei» i drugie traktaty. Moscow: Nauka; 1990. (In Russ.)
10. Ameriks K. Interpreting Kant's Critiques. Oxford University Press; 2003.

Информация об авторе

Эмилия Анваровна Тайсина — доктор философских наук, профессор кафедры философии и медиакommunikаций, Казанский государственный энергетический университет, Казань, Татарстан, Россия; eLibrary SPIN: 6974-2745. **E-mail:** emily_tajsin@inbox.ru

Information about the author

Emilia A. Taysina — PhD (Habil.), Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Mediacommunications, Kazan State Power Engineering University, Kazan, Tatarstan, Russia; eLibrary SPIN: 6974-2745. **E-mail:** emily_tajsin@inbox.ru